

А.А. Пауткин (Москва, Россия)

Грозное эхо «Слова о полку Игореве» («Полынь-трава» Б. Лавренева)

Аннотация: В статье рассматривается одно из ярких проявлений рецепции «Слова о полку Игореве» в прозе XX в. Повесть Б. Лавренева «Полынь-трава», появившаяся сто лет назад, содержит множество обращений к древнерусскому памятнику, ставшему прецедентным текстом отечественной культуры. Повесть может быть названа характерным образцом орнаментальной прозы середины 1920-х гг. Мифопоэтика средневекового произведения выступает основным средством создания эпико-романтического звучания текста Нового времени, рассказывающего о событиях Гражданской войны на юге России. Обращения к легко узнаваемому читателем источнику столь обширны и последовательны, что повествование подчас превращается в своеобразный коллаж из различного рода цитат и перефразированных фрагментов претекста. Повесть не имеет себе равных по насыщенности обращениями к «Слову» в прозе.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», рецепция, Б. Лавренив, орнаментальная проза, прецедентный текст

А.А. Pautkin (Moscow, Russia)

The Menacing Echo of “The Tale of Igor’s Campaign” (B. Lavrenev’s “Wormwood-grass”)

Abstract: The article deals with one of the brightest manifestations of the reception of “The Tale of Igor’s Campaign” in the prose of the 20th century. B. Lavrenev’s story “Wormwood-grass”, which appeared a hundred years ago, contains many references to the Old Russian monument, which has become a precedent text of the national culture. The story can be called a characteristic example of ornamental prose of the mid 1920s. The mythopoetics of the medieval work acts as the main means of creating an epic-romantic sound of the New Age text telling about the events of the Civil war in the south of Russia. The references to a source easily recognisable to the reader are so extensive and consistent that the narrative sometimes turns into a kind of collage of various quotations and paraphrased fragments of the pre-text. The story is unrivalled in its saturation of references to the “The Tale” in prose.

Key words: The Tale of Igor’s Campaign, reception, B. Lavrenev, ornamental prose, precedent text

Фундаментальный курс истории древнерусской литературы, ориентированный на изучение конкретных памятников XI–XVII вв., иллюстрирующий долгое движение от книжности к литературе, помимо этого должен давать студентам инструментарий для обнаружения и толкования в текстах Нового времени фактов ориентации на письменную культуру прошлого. Проблемы рецепции древнерусских произведений, нарушающей представление о «герметичности» средневековой традиции, нуждаются в более детальном рассмотрении, что можно назвать «медиевистическим источниковедением» литературы Нового времени.

«Слово о полку Игореве» занимает особые, лидирующие позиции в плане рецепции старинных памятников. Оно может быть названо прецедентным текстом отечественной культуры. И обращения к нему особенно заметны и знаковы. Существует множество работ, посвященных «Слову» в поэтических контекстах. Однако с прозой дело обстоит иначе. Возможно, причина недостаточности исследовательского внимания кроется в сложностях поиска небольших фрагментов в составе пространных эпических произведений или в разнообразии писательских стратегий. Но именно на материале «Слова» ярче всего можно продемонстрировать проявление некой «второй» жизни древнего текста.

Сегодня нечасто вспоминают советского писателя Бориса Лавренева, характеризовавшегося в 20-е гг. прошлого века в качестве «попутчика». Выходец из интеллигентной семьи, окончивший до революции юридический факультет Московского университета, младшим офицером участвовавший в Первой мировой войне, он был удобной фигурой для подобных характеристик. Этому способствовало и его видение гражданской войны, трагизм которой он испытал в полной мере. Читатель лучше всего помнит его рассказ «Сорок первый» (1924). На следующий год, т. е. сто лет назад, появилась повесть «Полынь-трава» (1925; первое название «Кровный узел»), не приобретшая такой широкой известности. Здесь при создании эпического эффекта особая роль отводится «Слову». Цитирование как прием, чужое слово в авторском контексте актуализируется в период становления советской литературы и является одной из характерных черт так называемой «орнаментальной прозы» – «жанрово-стилевого потока, который образовался из большой группы романтических повестей, новелл и новеллистических циклов, созданных почти одновременно... Этот поток явился одной из самых характерных и существенных тенденций литературного процесса в первой половине 20-х годов»¹.

Задача изображения событий Гражданской войны на степном юге России подталкивала к поиску созвучий в поэтическом отклике на поход новгород-северского князя. Вспомним «Падение Даира» А. Малышкина (1923). Но у Малышкина заметны лишь отдельные вкрапления (напр.: «Как это? Русь, уже за шеломянем еси?.. В бескрайном курганы уплывали, как черные – на заре – шеломя: назад, в сумерки, в историю...»²).

Обращения к «Слову» главным образом сосредоточены в начале и на финальных страницах повести. В основе сюжета судьба Анны Белоклинской – дочери гвардейского полковника, порвавшей со своим прошлым и ставшей агитатором в Красной армии, и ее юного брата, оканчивающего юнкерское училище. Возлюбленный Анны Роман – пролетарий, подручный слесаря, красноармеец, а его сестра, вынужденная на территории, занятой белыми, торговать собой, оказывается

¹ Лейдерман Н. Кровавый карнавал. «Поэмы в прозе» 1920-х годов: поэтика и семантика // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 248.

² Малышкин А. Падение Даира. М.: Современник, 1987. С. 17.

первой любовью юнкера Белоклинского. Представители разделенных революцией семей сходятся в жестокой битве и гибнут в этом поединке. Такова трагическая неизбежность гражданской войны.

Если во вступлении возникают осторожные намеки на источник описания южных пространств, например «пороги Угорские», «море Тьмутараканское»¹, то затем на смену не столь явной ассоциативности приходит почти точная цитата. Ночью «кличет вещим голосом, поверх деревьев, невиданная никем птица Див, велит послушать чужим землям – Волге и Поморью, Посулию и Сурожу, славному Корсуню и потонувшему в охряных водах идолу Тмутараканскому» (365). Претерпев незначительную языковую трансформацию, цитата незаметно перетекает в авторский текст. Происходит своеобразный диалог автора с древним источником. Прямое заимствование столь значительно, что иногда текст производит впечатление коллажа.

Появляется краткий авторский комментарий к исходному эпическому образу дива как способ установления связи между древним и новым текстами: «Кличет Див – птица к беде неминучей» (365). Но дальше мифическая птица предстает в гротескном виде. Див наделен «двумя коронованными головами» (366) – намек на имперский герб должен подготовить читателя к дальнейшим роковым событиям, придать повествованию дополнительную экспрессию.

Пространные фрагменты претекста видоизменяются через использование менее архаичных синонимов, нарушение порядка слов, изменение грамматического времени. При этом сохраняется ритмическая организация источника. Вот характерный пример: «И тогда в Русской земле редко выходили на ниву пахари, но часто каркали вороны, деля между собой трупы, и поднимали стрепот галки, собираясь лететь на кормежку, густо усеялась степная пахучая целина костями под конскими копытами, полилась кровью – взрастала же щедро печалью по всей стране» (389). Исследовательница феномена орнаментальной прозы Н.А. Кожевникова отмечала в ней «сознательное подчеркивание условности, искусственности повествования, которое достигается сближением его со стихотворной речью»².

Помимо своеобразных общих планов и ландшафтных мотивов, Лавренева привлекают образы битвы. Однако подобно создателю «Задонщины», в XV в. творчески опиравшемуся на «Слово о полку Игореве», писатель по-своему перелицовывает претекст. Так, Каяла заменяется на реку Маныч. Здесь автор не смог пройти мимо сравнения боя с полевыми работами: «На Маныч-реке не снопы стелют – головы, молотят стальными цепями, на току кладут жизни, веют души от тела» (390). Поражение Игоря становится основой для изображения гибели белой конницы: «Бились день, бились другой, на третий пали штандарты с георгиевскими лентами и поволоклись в густой пыли» (390). Парадоксально, что элементы воинской поэтики, связанные с походом Игоря, как бы распределены между враждующими сторонами – красными и белыми. Бойцы Первой конной сравниваются с курянами Буй-Тура Всеволода – младшего любимого брата героя «Слова»: «Суровы были бойцы, возвращенные трубными зовами, взлелеянные под богатырками, вскормленные стальными жалами пик, были им ведомы все дороги и знакомы овраги, крепко натянуты поводья, метки винтовки и отточены сабли.

¹ Лавренив Б. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 364–365. Далее текст повести цитируется по этому изданию. Страницы указаны в скобках.

² Кожевникова Н.А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1976. Т. 35. № 1. С. 55.

И скакали полки, как серые волки, в поле, ища себе чести, а красному краю славы» (389).

Заметим, что к моменту появления повести уже в общих чертах сложился устойчивый визуальный образ красноармейца, его атрибуты вошли в народное сознание и массовую культуру, хотя эскизы новой формы с головными уборами в виде богатырских шлемов и шинелей с застежками-«разговорами» были созданы Виктором Васнецовым еще в ходе Мировой войны на волне интереса к «русскому стилю». Позднее этот облик уже бойца Красной армии станет символом эпохи, а сама форма просуществует с незначительными изменениями еще около двадцати лет. Показательно, что писатель в 1925 г., обращаясь к исходному «под шелома взлелеяны», говорит о «богатырках». Таково первое наименование стилизованного головного убора¹. Название «буденовка» утвердилось в быту не сразу под влиянием мифологизации роли Первой конной армии и ее предводителя.

Земля половецкая, поле, как и в «Слове», – вражеская территория, только отсюда теперь исходит опасность удара белогвардейских полков. Поэтому командарм, черноусый Семен Буденный, «наполнясь ратного духа, навел полки свои на разбойную землю половецкую, за красную Русь» (388). И вместо «каленных стрел» «с утра до вечера, с вечера до золотопламенной зари летят кусачие пули, гремят встречно клинки, трещат пики» (390).

Главное в «Слове», как известно, призыв русских князей к единению перед угрозой половецких набегов. Выразителем этой идеи в тексте является Великий Киевский князь Святослав Всеволодович. В связи с этим в «Слове» разворачивается ряд поэтических характеристик удельных князей второй половины XII в. Ну а что же наблюдается в повести Лавренева? Несмотря на грандиозный объем заимствований из претекста, здесь нет опоры на обращение к князьям, на использование «Золотого слова Святослава». Рассказу о междоусобице гражданской войны не соответствуют идеи древнего автора. Разделены семьи, в непримиримой борьбе столкнулись близкие люди. Поэтому значительная часть образности древней поэмы редуцируется в угоду идейному замыслу писателя. Возможно, данная фигура умолчания представляет собой завуалированное отношение писателя к трагедии междоусобной брани.

Обращает на себя внимание и еще один момент. Мифопоэтика «Слова» не может быть адекватно оценена без обращения к образу Бояна, который неизменно привлекал к себе внимание с самого момента первой публикации памятника. В литературе конца XVIII – первой половины XIX в. даже возник штамп «Боян – Гомер – российский Оссиан». А иногда появлялись целые группы Боянов. Например, в стихотворении В.Т. Нарезного «Песнь Владимиру киевских баянов» (1798)². В интересующей нас повести древний песнопевец даже не упоминается. Строй орнаментальной прозы не допускает прямой отсылки к манере сказителя XI в. Его роль берет на себя сам автор, превращаясь время от времени в эпического певца.

В финале повести возникают строки, отсылающие к плачу Ярославны: «Одинок кукует Ярославна на городской стене... но Ярославне плакать до века» (392). Так представлена трагическая развязка борьбы, гибель героев. Этот наиболее

¹ Интересно, что спустя десятилетия произойдет обратная трансформация образа – буденовка снова станет шлемом в стихотворении Б. Окуджавы «Сентиментальный марш»: «И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной» (Окуджава Б. Стихотворения. М., 1984. С. 12).

² См.: *Нестерова Т.П.* Литературные маски русского певца в поэзии Отечественной войны 1812 г. // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 г. СПб.; Тверь, 2012. С.100–110.

известный фрагмент «Слова» – нечастый гость в прозаических произведениях. Он появляется лишь тогда, когда в тексте-восприемнике значительно усилено лирическое начало. Но Ярославна плачет не по Игорю, ему не нашлось места под пером Лавринева. Вообще, конкретные участники событий 1185 г. никак не представлены в романтизированном повествовании о делах 1919 г. Автору важна стилизованная экспрессия, переводящая совсем недавние события в былинный, эпический план. Материал древней поэмы, отобранный и трансформированный особым образом, и служит средством стилизации, возможно, в чем-то излишней.

Патетическая декоративность рассмотренного текста в свое время вызывала критические оценки. Реминисценции в повести «Полынь-трава» столь обильны, что подчас ощущается их явная избыточность. С дистанции в целое столетие не станем оценивать данный опыт рецепции древнерусского памятника. Он интересен своим кардинальным отличием от иных не столь явных и настойчивых обращений к «Слову» в прозе.

Прецедентность «Слова» в начале XX в. не обрела еще того значения, какое мы наблюдаем сегодня. Поэтому с уверенностью можно сказать, что писатель обращался к образованному, знающему древний текст читателю¹. Почему он отказался от слишком прямолинейного названия повести – «Кровный узел», сказать трудно. Возможно, горечь степной полынь-травы лучше символизирует авторскую позицию. Как тут не вспомнить стихотворение А. Майкова «Емшан» (1875), основанное на древней летописной легенде о половецком хане, который возвращается в родные степи, вспомнив запах полыни. Образ вечной природы оказывается выше социальной розни людей.

Подводя итог, заметим, что по насыщенности прямыми и перефразированными цитатами повесть Лавринева не имеет себе равных в литературе XX в. Перед нами своеобразный лидер по привлечению средневекового текста при создании особого эпического эффекта, витиеватого стиля, превращающего недавнее прошлое в историю, воспеваемую народными сказителями.

ЛИТЕРАТУРА

Елеонская А.С. «Слово о полку Игореве» в русской школе XIX – начала XX в. // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVIII вв.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Наука, 1978. С. 163–175.

Кожеевникова Н.А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1976. Т. 35. № 1. С. 55–66.

Лейдерман Н. Кровавый карнавал. «Поэмы в прозе» 1920-х годов: поэтика и семантика // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 241–267.

Лавренив Б. Собр.соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1982. 654 с.

Мальшикин А. Падение Даира. М.: Современник. 1987. 32 с.

Нестерова Т.П. Литературные маски русского певца в поэзии Отечественной войны 1812 г. // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 г. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. С. 100–110.

Окуджава Б. Стихотворения. М.: Советский писатель, 1984. 272 с.

¹ Елеонская А.С. «Слово о полку Игореве» в русской школе XIX – начала XX в. // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVIII вв. М.: Наука, 1978. С. 163–175.

REFERENCES

Eleonskaya A.S. “The Tale of Igor’s Campaign” in the Russian School of the 19th – early 20th century. In: “The Tale of Igor’s Campaign”. Monuments of Literature and Art of the 11th– 17th centuries: Studying and Materials on Old Russian Literature. Moscow. Nauka Publ. 1978. 319 p.

Kozhevnikova N.A. From Observations over Jon-classical (‘ornamental’) Prose // The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language. Moscow. Nauka Publ. 1976. Vol. 35. No 1, pp. 55–66.

Leiderman N. Bloody Carnival. “Poems in Prose” of the 1920s: Poetics and Semantics. *Voprosy Literatury*. 2008. №5, pp. 241–267.

Lavrenev B. Collected Works: In 6 vols. Vol. 1. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1982. 654 p.

Malyshkin A. (1987) *The Fall of Dairo*. Moscow. Sovremennik Publ. 32 p.

Nesterova T.P. Literary Masks of the Russian Singer in the Poetry of the Patriotic War of 1812. In: *Realities and Legends of the Patriotic War of 1812*. St. Petersburg; Tver. Marina Batasova Publishing House. 2012, pp. 100–110.

Okudzhava B. (1984) *Poems*. Moscow. Sovetsky Pisatel Publ. 272 p.

Сведения об авторе:

Алексей Аркадьевич Пауткин,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
apautkin@yandex.ru